

В последнее время мне стала часто сниться Эфиопия с её разнообразной природой: бескрайняя, уходящая к горизонту всхолмленная саванна с отдельно стоящими зонтичными акациями; глубокие долины, поросшие кустарником, древовидным вереском, пальмами, канделяброобразными молочаями и выше человеческого роста слоновой травой; постоянный гомон бесчисленных птиц, от самых маленьких, в несколько сантиметров, до огромных размеров грифов и марабу; горы, затянутые предрассветной сиреневой дымкой, с глубокими каньонами и бурлящими в них потоками воды; тихие прозрачные озёра со стаями разнообразных водоплавающих птиц всех цветов и оттенков. Мне снятся удивительно красивые люди со смуглыми лицами, оливковыми грустными глазами и необыкновенно прямым станом, улыбающиеся женщины с самыми невероятными причёсками и украшениями, множество грязных, полуголых, но весёлых детей.

Прошло более тридцати лет, как я жил и работал в Эфиопии, но она до сих пор меня не отпускает. Вот потому я и решил поделиться своими наблюдениями, воспоминаниями и впечатлениями об этой чудесной стране, а также о жизни советских специалистов, трудившихся вместе со мной.

Я В АФРИКЕ!

Наш самолёт после непродолжительной остановки в городе Ларнаке на Кипре, наконец, прибыл в Аддис-Абебу. Подумать только, я в Африке! Это удивительное, как бы нереальное ощущение сопровождало меня все первые дни.

Как известно, столицей Эфиопии является город Аддис-Абеба. Аддис-Абеба – в переводе с амхарского языка “Новый цветок” – стала столицей Эфиопии в 1889 году, после образования централизованного государства в северо-восточной Африке во главе с императором Менеликом II, выдающимся историческим деятелем, создателем единого Эфиопского государства.

Современная Эфиопия — это одно из крупнейших государств Африки. На западе она граничит с Суданом, на юге — с Кенией, на востоке — с Сомали и Республикой Джибути, на северо-восточных рубежах омывается водами Красного моря. Во всех этих крайних точках мне удалось побывать, но об этом позже. А пока мне предстояло работать в аппарате советника по экономическим вопросам посольства СССР.

По обеим сторонам асфальтированного шоссе под названием Боле-роуд, ведущего из аэропорта в город, передвигалось несметное количество ослов, нагруженных хворостом, сопровождаемых погонщиками с длинными палками. Их гортанные крики то и дело оглашали местность. Хворост необходим эфиопам для приготовления пищи в своих жилищах. Небольшие лачуги, сооружённые из подсобных материалов, тянулись вдоль всей дороги до самого города. Но вот начали встречаться одноэтажные и двухэтажные каменные дома, небольшие виллы, огороженные забором, с ухоженными палисадниками вокруг домов, увитых необыкновенно красивой цветущей, но колючей лианой под названием бугенвиллия. Палитра соцветий этого вьющегося растения состояла из самых разнообразных оттенков, от тёмно-фиолетового и ярко-красного до нежно-розового и молочно-белого. Все эти дома то опускались вниз, то поднимались вверх вслед за холмами и горами, окружающими весь город. На центральной площади города возвышался большой монумент с изображением чёрного льва с короной на голове — символом императорской власти, силы и независимости. Во время итальянской оккупации этот знаменитый памятник — Лев Иудеи — по указанию Муссолини был вывезен в Италию и только после окончания Второй мировой войны и ряда настойчивых требований и дипломатических демаршей со стороны Эфиопии он был возвращён в Аддис-Абебу. Лев также изображён на всех монетах, имевших хождение в Эфиопии в то время. На монетах, отчеканенных во время правления императора Хайле Селассие I до 1973 года, лев изображён во весь рост с короной на голове и со скипетром в поднятой правой лапе, а на монетах, изготовленных после революции 1974 года, — только голова рычащего льва с гривой и открытой зубастой пастью.

Центральную площадь окружали многоэтажные здания европейского типа с множеством расположенных в них различных учреждений, офисов и фирм. Чуть в отдалении возвышалось солидное здание муниципалитета, круглое здание банка и гостиница “Эфиопия”. Многочисленные торговые лавки и магазинчики с большими красочно оформленными витринами занимали значительное место и тянулись далее, расходясь по дугообразным улицам. Одной из самых длинных и хорошо оформленных улиц европейского вида является Пьяцца с большим количеством золотых лавок, небольших павильонов и магазинов. Через весь город протекает несколько небольших горных речек, местами образующих глубоко врезанные русла. Общее направление их — с севера на юг, и все они впадают в реку Акаки, приток реки Аваш, одной из главных рек Эфиопии.

Город протянулся с севера на юг на 17 километров и почти на столько же — с запада на восток. Численность населения Аддис-Абебы по данным 1975 года составляла 1,2 миллиона человек. В столице Эфиопии сосредоточено самое большое количество в Африке дипломатических и других иностранных представительств — их свыше 70. Аддис-Абеба — это крупнейший культурный центр страны. Здесь есть университет на 5 тысяч студентов, несколько технических и специальных училищ, две крупные библиотеки: национальная и университетская, художественный и палеонтологический музеи, много различных музыкальных и театральных коллективов. В городе очень много зелени. Он опоясан эвкалиптовыми рощами, площадь которых превышает площадь застроенных районов. Кроме того, здесь имеется несколько небольших благоустроенных парков и скверов, в одном из которых есть маленький зверинец, где можно сфотографироваться с живыми дикими львятами.

В западной части города расположен самый крупный в Африке городской открытый рынок Аддис-Кэтэма — “Меркато”. Это город в городе! Здесь огромные развалы арбузов, манго, папайи, бананов, грейпфрутов, ананасов и множество других фруктов; различных овощей — от авокадо до батата (сладкого картофеля), от гжучего красного перца (бербере), томатов, лука, кабачков до гигантских размеров тыкв, масса всевозможных специй и пряностей. Нескончаемые мясные ряды с разделанными тушами домашних и диких животных,

кур, уток, цесарок и прочей птицы, рыбные ряды с телупией и знаменитым нильским окуном, достигающим полутора метров в длину и более. Множество зазывал-продавцов традиционного эфиопского кофе, от зелёного в зёрнах до жареного. Тут же готовят этот чудесный ароматный напиток.

Кроме продовольствия, здесь найдутся длинные ряды различных тканей, ремесленных и гончарных изделий, украшений из драгоценных и полудрагоценных камней, золота и серебра, ручных поделок от африканских ритуальных масок и деревянных божков до лалибэльских крестов разных размеров, форм и конфигураций. И, конечно, присутствует великое множество мелких лавок, дешёвых баров, ателье с ручными и ножными швейными машинками и т. п.

Аддис-Абебу, в отличие от многих других африканских городов, миновала участь разделения на “африканскую” и “европейскую” части. Здесь всё смешано. Рядом с итальянской виллой можно увидеть африканские дома самой разнообразной конструкции.

Советское посольство в Аддис-Абебе имело огромную территорию, одну из самых больших площадей иностранных представительств за рубежом, доставшуюся в наследство от Российской империи. Одной из первых держав, установивших дипломатические, культурные и деловые отношения с Эфиопией, была Россия. В феврале 1898 года в Аддис-Абебу прибыл в качестве главы русской дипломатической миссии П. М. Власов. А за два года до этого в Эфиопию прибыла группа русских врачей и санитаров, которые создали первые в Эфиопии медицинские пункты. Россия оказывала Эфиопии и военно-техническую помощь. Русские трёхлинейные винтовки ещё и сейчас можно встретить в самых глухих уголках страны. Кроме того, Россия в то время была крупнейшим внешнеторговым партнёром Эфиопии. В благодарность за бескорыстную помощь император Эфиопии и подарил России этот великолепный уголок нетронутого леса.

В отличие от всем известных четырёх времён года, в Эфиопии существует только два времени года: сухой сезон – с октября по март и сезон дождей – с апреля по октябрь. В свою очередь, сезон дождей делится на период “малых” дождей – март-май – и период “больших” – июнь-сентябрь. Хотя чёткого разделения между “малыми” и “большими” дождями практически не существует.

Незаметно прошёл первый день моего пребывания в Африке, наступил вечер, а вернее – ночь, так быстро стало темнеть. Следует отметить, что сутки в Эфиопии делятся на две равные части по 12 часов, день начинается в 6 часов утра и заканчивается в 6 часов вечера. В Африке сумерки, в нашем понимании, практически отсутствуют. Ежедневно в шесть часов вечера солнце заходит за горизонт, а через полчаса наступает тёмная ночь. Африканская ночь удивительна и полна самых разнообразных звуков. После непродолжительного, но сильного дождя природа затихает. В воздухе сильно пахнет различными цветами: магнолиями, мимозой, олеандрами и другими тропическими растениями. Выходит луна и медленно плывёт по небосводу. Вдруг тишину нарушают резкие звуки: сначала слышится пронзительный, душераздирающий вой, затем бормотание, а потом какой-то нечеловеческий то ли хохот, то ли плач. Это продолжается примерно четверть часа. Затем всё стихает. Это воют гиены. А около полуночи слышатся другие, более мощные звуки, похожие на рык или рёв, – это рычат голодные дикие львы, которых на ночь выпускали из вольер свободно бродить по парку вокруг дворца Менгисту Хале Мариама, тогдашнего правителя Эфиопии... Заснуть под этот концерт можно было только под утро. А утром будит многоголосье разных птиц. Ещё совсем темно, когда резко начинают кричать птицы, и буквально через несколько минут всходит солнце. Начинается новый день.

К ИСТОКАМ ГОЛУБОГО НИЛА. НА ОЗЕРЕ ТАНА

Если Эфиопия – это сердце Африки, то сердце Эфиопии – это, несомненно, озеро Тана, недалеко от которого находятся истоки Голубого Нила. А, как известно, великая африканская река Нил образована из двух главных и основных притоков. Это Белый Нил, вытекающий из озера Виктория в Уганде, и Голубой Нил. Соединяются эти два притока в Судане, в районе города Хартума.

На протяжении столетий путешественники, учёные и исследователи разных стран не могли обнаружить и добраться до истоков Нила. Многие экспе-

люди терпели неудачу по самым различным причинам. Сложнейшие климатические условия, непроходимые леса, болота, озёра, бесчисленное количество рек с уступами и порогами, всевозможные протоки, кишасшие крокодилами, глубокие отвесные каньоны с водопадами затрудняли, а порой делали невозможным движение исследователей вверх по притокам Нила. Следует иметь в виду и множество тяжёлых болезней, таких как чума, оспа, жёлтая лихорадка, малярия, сонная болезнь и других, свирепствовавших в этих местах. Большинство экспедиций, состоящих из чужеземцев и сопровождающих их местных африканцев, погибли от этих болезней и различных эпидемий. И только 28 июля 1862 года английский исследователь Джон Хеннинг Спик открыл, что Белый Нил вытекает из озера Виктория. Не менее интересен и “младший брат” Белого Нила, Голубой Нил, или Аббай, как его ласково называют эфиопы, что в переводе с амхарского означает “Отец вод”. Истоки этой реки находятся на западе от Аддис-Абебы недалеко от озера Тана. Эта река протекает по высокогорному эфиопскому плато на высоте свыше 2000 метров над уровнем моря и прорезает в нём ущелья и теснины глубиной до одного километра. Река, пенясь и вскипая на бесчисленных порогах, стремительно несётся меж каменных базальтовых стен, называемых по-амхарски “амба”. Теперь мне понятно, откуда пришло это слово и в русский язык. Не предок ли Пушкина, знаменитый эфиоп Ганнибал принёс его в наш язык?..

Первоначально многие исследователи считали, что Голубой Нил берёт своё начало и вытекает из озера Тана. Однако оказалось, что это не так. Первым описал истоки Нила иезуитский миссионер Педру Паиш, который увидел их 21 апреля 1618 года. Однако это свидетельство подверглось впоследствии сомнению. Поэтому первооткрывателем истоков Голубого Нила принято считать английского исследователя Джеймса Брюса. 4 ноября 1770 года он обнаружил в болоте близ горы Геэз три источника “в небольших алтарях из прочного дёрна”, сооружённых кем-то из местных жителей. Люди, живущие недалеко от этих источников, совершали жертвоприношения вслед за появлением на небе “Собачьей звезды” (Созвездие Гончих Псов). Здесь закалывали чёрную корову, голову её опускали в воду, а мясо делили между всеми участниками. Кости принесённого в жертву животного сжигали на костре. Этим обрядом собравшиеся люди, как писал Д. Брюс, оказывали Нилу почести, как божеству, поклоняясь реке. Удивительно, что аналогичные обряды существовали не только у народа, проживающего у истоков реки, но и у живших у её устья, хотя находившиеся в различных местах реки люди не знали друг друга, но поклонялись реке одинаково.

Описав широкую дугу, Аббай спускается с гор от своих истоков с высоты 2700 метров над уровнем моря. При впадении в озеро Тана ширина реки достигает примерно шестидесяти метров. Его воды хорошо различимы, поскольку не смешиваются с озёрной водой и текут вдоль южного берега озера.

Озеро Тана, окружённое высокими горами, расположено на высоте 1830 метров над уровнем моря в центре эфиопского нагорья. Берега озера покрыты густыми зарослями гигантского папируса высотой 3–3,5 метра, из которого местные жители делают прочные лодки. Знаменитый путешественник, учёный и исследователь Тур Хейердал перед своим плаванием через Атлантический океан на папирусной лодке “Ра” побывал на озере Тана и досконально изучил конструкцию и технологию изготовления лодок.

На озере существует 37 зелёных островов, на некоторых из них есть церкви и монастыри эфиопской христианской церкви, одной из древнейших христианских церквей. Помимо Аббая, в озеро впадает ещё 60 рек. В окрестностях озера расположено значительное количество термальных источников. На средневековых географических картах озеро Тана называлось “Дембийским морем”. В период сезона “больших дождей” озеро выходит из берегов и затопливает прибрежные районы, в том числе и Дембию, поименованную так в память об историческом названии озера. Из-за регулярных затоплений и отложений ила в этой зоне находятся очень плодородные земли, что способствует успешному возделыванию зерновых культур, а также кофе, сахарного тростника, энсеты (лубяний банан), хлопчатника и табака. Повсеместно здесь распространено выращивание винограда и цитрусовых. Хорошие пастбища привели к широкому развитию скотоводства.

На южном берегу озера Тана в провинции Годжам расположен небольшой, утопающий в зелени, современный город Бахр-Дар. Высокие пальмы,

ландры и цветущая бугенвиллия изыщно обрамляют белые здания и делают город нарядным и красивым. В городе находится крупная текстильная фабрика и несколько предприятий по производству пищевых продуктов. При содействии Советского Союза был построен комплекс по производству молока и молочных продуктов, а также Бахр-Дарский политехнический институт, полностью укомплектованный оборудованием, поставленным из СССР. На факультете деревообработки преподавали советские специалисты, с которыми я вместе учился в Московском лесотехническом институте.

Для решения ряда бытовых, организационных и технических вопросов, связанных с деятельностью советских преподавателей, я и приехал в Бахр-Дар. Встреча со своими коллегами через много лет, да ещё в далёкой африканской стране, была очень радостной и сердечной. Гостеприимные хозяева с гордостью угостили меня знаменитым нильским окунем с гарниром из жареных бананов. Застолье прерывалось разговорами и воспоминаниями студенческих лет. Я вспомнил, как на одном из факультетских смотров художественной самодеятельности выступал Савелий Крамаров, тогда студент нашего института, а впоследствии известный артист. В одном из номеров студенческого театра эстрадных миниатюр, душой которого был Савелий, разыгрывалась сценка сдачи приёмных экзаменов абитуриентами разных стран: из Америки, Китая, Эфиопии и России. Небольшие смешные диалоги вызывали хохот и одобрение зала. Но когда на сцену вышел Савелий, изображавший эфиопа, зал взорвался бурными аплодисментами. Он был одет во всё чёрное, но лицо Крамарова, его шея и руки были вымазаны коричневым кремом для обуви, блестели только его хитрые косые глаза. Зрители недоумевали, почему Савелий загримировался коричневым кремом, а не чёрным. У всех было расхожее предположение, что жители Африки, не считая арабов, все поголовно должны быть чёрного цвета, а здесь вдруг появился коричневый эфиоп! И только спустя годы, здесь, в Эфиопии, я понял, насколько был прав Крамаров! Коренные жители Эфиопии обладают более светлой кожей, что свидетельствует об их смешении в древности с семитскими выходцами из Азии.

После осмотра института мои коллеги решили показать мне главную достопримечательность Бахр-Дара — Большой Нильский водопад. Он находится в тридцати километрах ниже озера Тана и является одним из крупнейших в Африке. Высота падения воды — около 45 метров. С чудовищным гулом и грохотом вода, вся в белых барашках пены, низвергалась в глубокий каньон. Над водопадом, переливаясь всеми цветами, играла и искрилась на солнце радуга. Зрелище было просто восхитительным! Эфиопы называют этот водопад “Тис-Ысат”, что означает “Дым без огня”. Местные жители рассказывают, что иногда, очень редко, в лунную ночь можно увидеть лунную радугу, но только тогда, когда период “больших” дождей совпадает с полнолунием. Рядом с этим водопадом в 1964 году была сооружена небольшая гидроэлектростанция. Дальше Аббай до самой границы с Суданом течёт в каньоне глубиной до полутора километров.

Вернувшись с экскурсии на водопад, мы решили прогуляться по берегу озера Тана. Проходя вдоль озера, любовались бесчисленным количеством разнообразных водоплавающих птиц. Бело-розовые фламинго медленно вышагивали по мелководью, но стоило им взлететь, как небо окрашивалось в розовый цвет. В зарослях папируса виднелись чёрные цапли, множество пеликанов плавало возле рыбаков, чистивших и разделявавших пойманную рыбу. Они бросали в раскрытые рты пеликанов отходы от рыбы, а иногда и мелкую рыбёшку. Чуть поодаль на берегу устраивали свои странные танцы марабу, терпеливо дожидаясь ухода рыбаков, чтобы полакомиться свежими рыбными отходами. Но самыми привлекательными и грациозными были венценосные журавли с золотистыми, отдельно торчащими на головах волосками, похожими на корону. Пройдя дальше, мы увидели целое стадо бегемотов, некоторые раскрывали свои огромные пасти, похожие на старинные ридикюли. Рассказывали, что бегемоты часто выходят на засеянные поля и устраивают потравы, от которых страдают урожаи местных крестьян.

Из уникальных растений, находящихся в этой зоне, я отмечу древовидный можжевельник, карандашный кедр и особенно лобелию гигантскую — лобелии цветут в течение нескольких лет. В каждом соцветии содержится огромное количество цветков. Иногда после цветения растение умирает. Сухие столбы, оставшиеся от лобелий, характерны для этой местности.

Национальный горный парк Сымеи — один из самых потрясающих по красоте ландшафтов на Земле! Он прекрасен в утренние и вечерние часы и особенно на закате дня, когда горные вершины, дикие ущелья, каменные “замки” и “дворцы”, базальтовые образования в виде огромных музыкальных “органов” создают иллюзию причудливого фантастического города. Лучи заходящего за горизонт солнца, игра теней от камней, скальных выступов, ближних и дальних отрогов гор рисуют объёмную рельефную картину, высветляя подорожности дальнего ракурса, завораживают своей нереальностью. Трудно отвести взгляд от этой неземной красоты!

ХРИСТИАНСКАЯ ЭФИОПИЯ

В провинции Гондэр много исторических памятников и достопримечательностей. К памятникам всемирного наследия относится древний город Лалибэла. В одной из эфиопских легенд упоминается имя царя Эфиопии — Святого Гебре Лалибэлы, который был посвящён в тайну небес. Во время своего рождения Лалибэла был окружён огромным количеством пчёл, они, по утверждению его матери, представляли собой преданных ему людей, которые в будущем будут служить её сыну. Поэтому она выбрала ему имя — Лалибэла, что означало “Пчёлы признают его власть”. С самого рождения родители воспитывали его в богопочитании и преклонении перед Всевышним. В течение трёх ночей к Лалибэле прилетали ангелы и забирали его с собой на небеса, где Бог давал ему указания, где и как выстроить новый священный город, возложив на него особую священную миссию и защитив его от всех земных невзгод.

Когда он вырос, его старший брат, будучи царём, услышал предсказание, что Лалибэла хочет овладеть его тронem и царством. Обуял царя гнев, и потребовал он к себе брата. Прибыл Лалибэла и стал перед царём, который обвинил его во всех грехах и, в первую очередь, в желании захватить власть. Он приказал сечь его с девяти часов утра и до трёх часов дня, после чего снова вызвал к себе брата. А когда тот предстал перед ним, то царь изумился, не видя никаких следов наказания, ибо охранял его ангел Господень. “Прости меня, брат, за то, что я сделал с тобой, что я причинил тебе страдания”, — сказал царь Лалибэле. И тогда воцарился мир и согласие между братьями.

Через некоторое время царь добровольно отказался от власти в пользу своего младшего брата после посещения его посланниками Бога, которые передали ему Божье указание. Заняв трон, Лалибэла богато одарил всех нуждающихся, а в честь Бога соорудил прекрасный город церквей. После создания святого места Лалибэла отрёкся от престола и стал отшельником, поселившись в пещере. После смерти он был причислен к лику святых. Для эфиопских христиан Лалибэла — один из самых почитаемых святых. Эфиопская Православная Церковь канонизировала царя Лалибэлу, и город был назван в его честь.

Под руководством Лалибэлы было построено одиннадцать уникальных монолитных храмов, не похожих один на другой. Вырубленные в скалах ниже уровня земли, они были и остаются чудом архитектуры. Даже алтари вытесывались из тех же самых скальных блоков, что и каждый храм. Они простояли многие века и до настоящего времени сохранили своё величие. Главными из этих храмов являются самый крупный монолитный храм Христа Спасителя и изящная церковь Святого Георгия, относящиеся к XIII веку. Эта церковь имеет форму креста, строго ориентированного по четырём сторонам света. Внутри здания древние мастера-каменотёсы создали прекрасный храмовый интерьер с выдолбленными в монолитном камне стрельчатыми окнами, арками и изящными колоннами. В храме Христа Спасителя находится камень, на котором, по преданию, сам Христос благословил Лалибэлу на создание этих храмов. Здесь же похоронен архитектор всего ансамбля — Сиди Мэскэль. Предполагается, что этот храм строился последним и завершал великие творения и замыслы Лалибэлы. В течение долгих столетий город Лалибэла был и сейчас остаётся религиозным центром и местом паломничества.

Надо сказать, что Эфиопия имеет глубокие исторические корни и является древнейшим государством на Африканском континенте, родоначальником которого было высокоразвитое Аксумское царство, образованное в начале нашей эры и достигшее наивысшего расцвета в IV–VI веках новой эры.

Недалеко от города Лалибэла находится древний город Аксум. В вассальной зависимости от него была почти вся территория современной Эфиопии, а также земли на западе, вплоть до долины Белого Нила, и весь юго-запад Аравии (Сабейское царство). Древний Аксум имел оживлённые торговые, политические и культурные связи с Египтом, Персией, Грецией, Индией и другими странами и испытал значительное влияние цивилизаций этих стран. В наследство от Аксума Эфиопия получила письменность, христианство и плужное земледелие, которое и до сих пор является основой сельскохозяйственного производства в стране. И сегодня в Аксуме ещё сохранилось немало великолепных обелисков с надписями, рассказывающими о древнем исчезнувшем царстве и его знаменитых людях. В густой тени деревьев во дворе собора святой Марии Сионской сохранились развалины трона, на котором восседал сам император во время церемонии коронации.

В начале XVII века столицей Эфиопии становится Гондэр. Своего наивысшего расцвета город достиг в начале XVIII века. Сохранился замок императора Фасиледэса, возведённый в XVII веке. Он прославился и строительством двух каменных мостов через Голубой Нил недалеко от озера Тана. Эти мосты называли “мостами Фасиля” – так любовно в народе звали императора.

Но кроме замечательных памятников старины, в устном фольклорном творчестве эфиопского народа, как и других народов мира, существует множество древних легенд и мифов. Одной из таких легенд является широко известная не только в Эфиопии, но и за её пределами красивая легенда о царице Савской и царе Соломоне. Существует множество различных вариантов этой легенды, но здесь я предлагаю только эфиопскую версию.

Богатая эфиопская принцесса Македа – “Огненная” – после восхождения на престол стала именоваться царицей Савской (Сабейской). Она получила образование у лучших учёных, философов и жрецов своей страны, была красивой, блистательной и умной женщиной. Услышав о большой мудрости иудейского царя Соломона, она решила совершить путешествие к нему с богатыми подарками. По её прибытии Соломон оказал ей великие почести и дал ей обитель в своём царском дворце. Но перед тем как пойти в свои царские покои, царь Соломон пригласил её в тронный зал своего дворца. В этом зале пол был выполнен из стекла, под которым плавали рыбы. Царица Савская, ступив на этот пол, подумала, что трон стоит в воде, и она машинальным движением приподняла края своего платья, чтобы не намочить его. Таким образом хитрый царь Соломон смог увидеть её ноги, которые были покрыты густыми чёрными волосами.

На царицу Савскую произвели впечатление исключительная мудрость и хитрость иудейского царя, а Соломона покорили ум, образованность и необыкновенная красота царицы, которая очаровала Соломона. Она была высокого роста, смуглой, с большими оливковыми глазами. Их роман продолжался полгода. Затем царица Савская вернулась в своё царство и родила там сына, назвав его Байна-Лехкем – “Сын мудреца”. Когда сыну исполнилось 22 года, царица рассказала ему об отце, и он решил поехать и повидать его. Перед отъездом царица Савская дала юноше перстень Соломона, чтобы тот смог узнать своего сына. По приезду царевича в Иерусалим Соломон признал его своим сыном, ему были оказаны царские почести.

Спустя несколько лет повзрослевший сын царицы Савской с разрешения царя Соломона должен был вернуться к своей матери в Африку. Вместе с ним отправилась очень большая группа иудейской знати. Он, сильно любивший свою мать, решил сделать ей подарок, взяв из Иерусалимского храма хранившийся там священный Ковчег Завета и увёз его, по праву первородства, в Эфиопию, подарив своей матери, царице Савской. Она преклонялась перед Ковчегом и считала его вместилищем скрижалей с десятью заповедями и другими духовными ценностями. По мнению эфиопских священнослужителей, Ковчег Завета до сих пор находится в городе Аксуме и хранится в соборе Святейшей Девы Марии Сионской.

После возвращения сына царица Савская отказалась от престола в его пользу, и тот устроил в Эфиопии царство по подобию израильского, а сам стал называться Менеликом. Считается, что царская династия эфиопских царей Соломонидов основана Менеликом, сыном царя Соломона и царицы Савской.

Последний император Эфиопии Хайле Селассие I, свергнутый с престола в 1974 году, относил себя к династии Соломонидов и считал себя 225-м потомком царицы Савской и царя Соломона.

День возвращения царицы Савской от царя Соломона на родину 11 сентября и окончание сезона “больших” дождей является в Эфиопии официальной датой начала Нового года, что близко, кстати, к началу церковного новолетия (14 сентября по новому стилю) у нас в России. Следует отметить, что эфиопский календарь состоит из тринадцати месяцев в году! В этой стране, по аналогии с древним Египтом, используется свой собственный солнечный юлианский календарь, который разделён на двенадцать равных месяцев, по 30 дней каждый, а тринадцатый месяц состоит из 5 или 6 дней (в високосный год). Эфиопский календарь отличается от григорианского на 7 лет, 8 месяцев и 11 дней. Например, эфиопский 1970 год начался 11 сентября 1977 года.

В память о легендарной царице в Эфиопии в 1922 году был учреждён “Орден царицы Савской”, который является третьим по старшинству среди орденов Эфиопии. Из известных в мире людей им был награждён президент Франции Шарль де Голль и президент США Дуайт Эйзенхауэр.

Вот так древняя история, мифы и легенды Эфиопии тесно переплелись с существующей реальностью.

Нельзя не заметить, что все современные христианские ортодоксальные храмы Эфиопии существенно отличаются от древних. По форме они приближаются к традиционному сельскому жилищу – тукулю с круглым основанием, конусообразной крышей и ортодоксальным крестом наверху. Внутри эти храмы состоят из трёх concentрических кругов: первый – для священнослужителей, второй – для примерных прихожан и третий – для всех остальных, причём женщины обязательно отделены от мужчин. Служба ведётся как на древнем языке геэз, так и на амхарском, и сопровождается танцами и пением чисто эфиопского происхождения. Посещение церкви (обязательное по воскресеньям) – лишь малая часть обязанностей эфиопского христианина. Обязательно нужно молиться утром, а также до и после каждого приёма пищи. Проходя мимо церкви, прихожане кланяются три раза, входя в неё, целуют здание и крест священника.

У эфиопских христиан в году около 250 постных дней. Это каждая среда и пятница (кроме 50 дней после Пасхи), а также три больших поста по 56, 43 и 15 дней. В это время нельзя принимать пищу животного происхождения, а также не есть ничего до полудня (кроме субботы и воскресенья). Эфиопский христианин не ест свинину.

Основные христианские праздники в Эфиопии – это Пасха, Крещение, Рождество и Мэскаль, причём во всех праздниках присутствуют элементы иудаизма и язычества.

Мэскаль по-амхарски означает крест. Это сугубо эфиопский христианский праздник с элементами язычества. Он означает нахождение истинного Креста Христова святой Элени, который приснился ей в дыме большого костра. Этот праздник отмечается 27 сентября (что совпадает с нашим праздником Воздвиженья Святого Креста. – **Прим. ред.**). Особенно ярко и многолюдно он проходит в Аддис-Абебе, Гондэре и Аксуме. Он также знаменует собой окончание сезона “больших дождей”. В этот день на площадях готовят большие костры конусообразной формы до 10 метров высотой, украшенные цветными лентами и жёлтыми цветами. Такими же цветами украшают всё, что можно, вокруг. В назначенный час на площади собираются священнослужители в праздничных церковных одеждах для совершения церемонии “освящения” костра. Эта церемония заключается в том, что церковная процессия с чтением святых текстов и религиозным песнопением обходит три раза вокруг кострового конуса. После этого старший священник пучком хвоста поджигает его. Затем с других концов костёр поджигают представители власти и остальные желающие. Во время сгорания костра все присутствующие веселятся, радостно обнимают друг друга, танцуют и поют. Многие подходят к заходящему костру, чтобы начертить пеплом крестик у себя на лбу, другие – чтобы зажечь от священного костра эвкалиптовые прутья и принести их к себе в жилище. Очень красочный и весёлый праздник!

Каждая христианская семья должна иметь своего духовного наставника, который следит за правильностью выполнения всех религиозных требований, а также является советником по всем вопросам.

Первой русской экспедицией, которой удалось побывать в Эфиопии, в её западных областях, был отряд под руководством Ковалевского. Это произошло в 1848 году.

Егор Петрович Ковалевский – известный путешественник, дипломат, писатель и исследователь, окончил Харьковский университет и специализировался по добыче золота на Алтае. Его имя связано также и с географической наукой. Он занимал должность помощника председателя Русского Географического общества, а затем стал его почётным членом. После успешных поисков золота в Черногории, куда он был направлен русским правительством, Ковалевский был командирован в Египет по просьбе египетского паши Муххамед-Али. Он просил прислать в Египет опытного русского горного инженера для продолжения поисков золота и разработки золотоносных россыпей в Верхнем Египте. Далее экспедиция Ковалевского была направлена в Восточный Судан, а затем в западные области Эфиопии. Егор Петрович прошёл и исследовал долину Голубого Нила и его левый приток – реку Тумат. В этом районе Е. П. Ковалевским были открыты значительные месторождения золота. Он исследовал бассейн реки Тумат до самых его истоков и был первым европейцем, побывавшим в этом регионе. Экспедиция Ковалевского уточнила географию Нильской долины, провела геологические наблюдения и собрала первые этнографические материалы в западных областях Эфиопии, населённых племенами галла. По возвращении в Россию Е. П. Ковалевский написал и опубликовал книгу “Путешествие во внутреннюю Африку”.

Попытки проникновения русских экспедиций в Эфиопию с севера начались в 1885 году с поездки казака Н. И. Ашинова, когда он с группой казаков высадился в порту Массауа и дошёл до города Асмара. Чтобы двигаться дальше вглубь страны, необходимо было получить разрешение от местного правителя. Отряд Ашинова, действовавший по собственной инициативе, без рекомендательных писем и каких-либо иных документов от правительства России, не был пропущен в столицу Эфиопии.

Вернувшись в Россию, Ашинов заручился поддержкой обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, который разрешил ему организовать экспедицию в Эфиопию под видом религиозной миссии. В действительности целью поездки была колонизация северного побережья Африки для дальнейшего устройства угольных станций. В этой экспедиции приняли участие почти 180 человек: казаки, а также монахи – члены духовной миссии, возглавляемые архимандритом Понсием. Однако колонизация побережья не состоялась. Французские власти, оккупировавшие эту территорию, были крайне встревожены неожиданным появлением русских и предложили им немедленно покинуть это место. Ашинов отказался подчиниться требованиям французов, и тогда лагерь русских поселенцев был подвергнут обстрелу с французских крейсеров. Было убито семь человек, а оставшиеся русские поселенцы во главе с Ашиновым были взяты в плен. Узнав об этом инциденте, царское правительство, во избежание дипломатического скандала с Францией, объявило, что экспедиция Ашинова являлась его частной инициативой и никакого отношения к правительству России не имеет.

Одному из участников этой экспедиции – поручику В. Ф. Машкову – удалось избежать плена, и он ушёл вглубь Эфиопии. С большими трудностями Машков достиг города Энтото, бывшего в то время столицей Эфиопии, посетил резиденцию императора Менелика II и имел с ним беседу, в ходе которой император дал понять, что не возражает против будущих посещений Эфиопии русскими экспедициями.

По возвращении в Россию Машков стал хлопотать о второй экспедиции в Эфиопию. В 1891 году была подготовлена специальная экспедиция в составе Машкова и двух духовных лиц – иеромонаха Тихона и причётника Григория. Святейший Синод и военное министерство поставили перед экспедицией несколько важных задач: попытаться наладить церковные связи с абиссинской церковью, ознакомиться со страной, изучить её географическое положение и политическое устройство. Первую часть из поставленных задач экспедиции решить не удалось. В пути в экспедиции произошёл разлад по религиозным соображениям. Не поладив с Машковым, Тихон и Григорий возвратились в Петербург. В. Ф. Машков вторично побывал в Энтото, исследовал цент-

ральную часть Эфиопии, сделал много записей и зарисовок, собрал первую значительную коллекцию этнографических материалов, предметов быта и жизни людей, населяющих эту часть страны. О своём пребывании в Эфиопии В. Ф. Машков написал в своих дневниках и позднее опубликовал их под названием «Путешествие в страну чёрных христиан в 1891–1892 гг.».

В 1895 году в Эфиопию была направлена экспедиция в составе бывшего есаула Кубанского казачьего войска Н. С. Леонтьева, отставного штабс-капитана конной артиллерии К. С. Звягина, русского путешественника А. В. Елисеева и архимандрита Ефрема. Экспедиция была подготовлена за счёт средств Русского Географического общества и имела ряд специфических заданий по сбору научных материалов и сведений военного характера. Кроме того, перед отъездом им удалось получить рекомендательные письма Российского правительства к императору Эфиопии Менелику II.

Достигнув Энтото, Леонтьеву удалось встретиться с Менеликом II, произвести на него хорошее впечатление и убедить его направить в Россию эфиопское посольство. В состав этой делегации вошёл рас (принц) Дамтоу, рас Белякио, епископ Габро Экзиабиеро и кавалерийский генерал Генемье. Сопровождал эту делегацию в Россию Н. С. Леонтьев. Во время встреч и переговоров с членами русского правительства он обосновал необходимость в оказании военной помощи Эфиопии в борьбе против итальянских захватчиков. Было принято решение в дар Менелику II отправить 30 тысяч винтовок, 5 миллионов патронов к ним и 6 тысяч сабель. Отправкой и оформлением этого специального груза занимался непосредственно сам Леонтьев. Он оформил этот груз как проданный через французского посредника в порту Массауа, находившемся в тот момент под контролем итальянцев, которые вели войну с Эфиопией. Естественно, всё это оружие было конфисковано. Оно пошло эфиопам только после окончания войны и заключения мира с итальянцами.

В период итало-эфиопской войны 1895–1896 годов Н. С. Леонтьев находился в Эфиопии и был назначен военным советником императора Менелика II. После победы при Адуа император наградил Леонтьева почётным оружием – щитом и саблей – и присвоил ему только что учреждённый титул графа. По поручению Менелика II он участвовал в переговорах Эфиопии и Италии в Риме по подписанию мирного договора. Эту дипломатическую миссию Леонтьев выполнил великолепно, включив в договор несколько важных пунктов для Эфиопии.

Во время своих многочисленных поездок по стране он спас от смерти А. К. Булатовича, впоследствии известного путешественника, исследователя южных и юго-западных окраин Эфиопии.

В 1897 году Менелик II в целях укрепления центральной власти назначил Леонтьева генерал-губернатором двух больших провинций на юге Эфиопии. Н. С. Леонтьев с присущей ему энергией попытался привлечь правительство России к освоению и эксплуатации этих территорий, но получил категорический отказ. Россия не собиралась заниматься экспансией, чтобы не провоцировать Англию, Италию и Францию, не заинтересованных в вовлечении России в этот район Африки. Тогда Леонтьев без согласования с Россией совместно с английскими, французскими и бельгийскими промышленниками основал акционерное общество по освоению и эксплуатации экваториальных провинций Эфиопии, где он являлся генерал-губернатором. Руководитель русской дипломатической миссии, недавно организованной в Аддис-Абебе, П. М. Власов сообщил об этой акции в Петербург, в результате чего правительство России отказалось от сотрудничества с Леонтьевым и его финансовой и дипломатической поддержки.

Последним авантюрным предприятием было его участие в военном походе эфиопских войск на юг к озеру Рудольфа, где он был ранен и затем навсегда покинул Эфиопию. В этом походе вместе с Н. С. Леонтьевым участвовал его помощник Н. Н. Шедевр, который водрузил эфиопский флаг на берегу озера Рудольф, тем самым обозначив южную границу Эфиопии.

Осенью 1897 года в составе первой русской дипломатической миссии в Эфиопию прибыл полковник Л. К. Артамонов, а уже в марте 1898 года ему было предложено принять участие в военной экспедиции эфиопского дадьямача (генерала) Тасама к Белому Нилу и исследовать бассейны рек Собат и Джуба на юго-западе Эфиопии, то есть на границе с Восточным Суданом. Из этой экспедиции Артамонов привёз в Россию коллекцию насекомых,

растений и богатые этнографические материалы. Самыми главными научными результатами этой экспедиции являются гипсометрические и метеорологические наблюдения. Русское Географическое общество высоко оценило значение для науки этого путешествия на юго-запад Эфиопии и наградило Л. К. Артамонова медалью имени Ф. П. Литке.

Таким образом, русские землепроходцы внесли существенный вклад в изучение и освоение южных и юго-западных территорий страны, что способствовало расширению знаний о неизведанных районах Эфиопии. Особенно следует отметить чрезвычайно важное открытие и материалы, полученные в результате экспедиций известного русского путешественника и исследователя А. К. Булатовича.

Долгое время южная окраина Эфиопии была для всех иностранцев тайной за семью печатями. Туда по разным причинам не могли проникнуть иностранные исследователи и путешественники. Первым, кто прошёл из конца в конец южную провинцию Кэфа и составил её подробное описание, был русский офицер Александр Ксаверьевич Булатович.

Александр Ксаверьевич Булатович родился 26 сентября (8 октября) 1870 года в городе Орле, где тогда стоял 143-й Дорогобужский полк, которым командовал его отец, Ксаверий Викентьевич Булатович, генерал-майор, происходивший из потомственных дворян. Через три года отец умер, и его мать, Евгения Андреевна, с тремя детьми переехала в Петербург. Там девочки поступили в Смольный институт, а Александр — в один из лучших лицеев, в котором готовили дипломатов и высших государственных чиновников. В 1891 году А. К. Булатович окончил в числе лучших учеников этот знаменитый Александровский лицей.

После окончания лицея он некоторое время служил в канцелярии императрицы Марии. Однако гражданская карьера его не прельщала и, следуя семейным традициям, Булатович определяется в лейб-гвардии гусарский полк 2 кавалерийской дивизии. Это был один из самых аристократических полков, стать офицером в нём могли лишь избранные.

Медленно текли годы службы в полку, жизнь была размеренная и спокойная, пока события, не имевшие никакого отношения к Булатовичу, круто не оборвали устоявшийся уклад способного преуспевающего офицера.

Этими событиями стала захватническая война Италии против Эфиопии, завершившаяся полным разгромом итальянцев Эфиопской армией под Адуа 2 марта 1896 года. Эта блистательная победа имела важные политические последствия для Эфиопии. Борьба, которую вела страна за свою независимость, нашла живой отклик в России. Кроме того, русские считали эфиопов своими братьями по вере — обстоятельство, имевшее тогда немаловажное значение. Победу при Адуа прогрессивные круги России встретили с ликованием. В России был организован сбор средств для оказания помощи больным и раненым эфиопским солдатам и был сформирован и направлен в Эфиопию отряд Красного Креста. Возглавил отряд генерал-майор Н. К. Шведов, и в него входило ещё шесть человек. С большим трудом корнету Булатовичу удалось попасть в этот отряд. Он был прикомандирован к нему 26 марта 1896 года в качестве частного лица.

В Харэре отряд получает указание Менелика II о запрете на дальнейшее передвижение по стране. Чтобы добиться отмены этого решения, Н. К. Шведов вновь высылает вперёд А. К. Булатовича. Громадный переход от Харэра до Энтото — около 700 вёрст! — несмотря на трудности, Булатович совершил в восемь дней. Выполнение этого поручения едва не стоило ему жизни, так как во время перехода через Данакильскую пустыню на маленький отряд Булатовича напали разбойники-данакильцы, которые отобрали у них все вещи, запас воды, еду, мулов и верблюдов. Идти пешком через пустыню без воды и провианта было смерти подобно. Но к счастью потерпевших, на их пути в пустыне им встретился караван тоже русского человека Н. С. Леонтьева, который направлялся из Энтото в Харэр. Он снабдил Булатовича всем необходимым и дал рекомендательное письмо знакомому французу, состоявшему на службе у Менелика II. Используя свои дипломатические способности, А. К. Булатович сумел добиться у Менелика II отмены его приказа, и отряд вскоре появился в Энтото.

После выполнения поставленной задачи и ухода отряда Красного Креста из Эфиопии Булатович подаёт прошение об отпуске для более обстоятельного

знакомства с Эфиопией. Он задумал осуществить путешествие в малоисследованные районы юго-западной окраины страны.

Получив согласие на своё прошение, Булатович после неоднократных встреч и бесед с Менеликом II покидает столицу и вместе со своими спутниками направляется в провинцию Кэфа, а затем в район реки Баро. Там он исследует бассейн рек Баро и Акобо, составляет подробные карты с привязкой на местности, изучает флору и фауну, а также жизнь и быт местных жителей. Эта экспедиция длилась три месяца.

По возвращении ему был устроен торжественный приём у Менелика II, а в России за успешную экспедицию А. К. Булатович был награждён орденом Святой Анны II степени с мечами. Собранный во время путешествия материал был оформлен в виде отдельной книги, озаглавленной "От Энтото до реки Баро. Отчёт о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи".

В 1897 году, после установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией, А. К. Булатович совершает своё второе путешествие на юг Эфиопии в район озера Рудольф совместно с эфиопским военным отрядом во главе с расом Уальде Георгисом. Включить Булатовича в этот отряд рекомендовал сам Менелик II.

Долгое время европейские исследователи Африки считали, что река Омо, соединяясь с Баро, образует Собат — приток Нила. Сначала такого же мнения придерживался и русский исследователь А. К. Булатович. Однако во время своего путешествия к озеру Рудольф в 1897—1898 годы он пришёл к другому выводу. "Путешествие моё, — писал он, — окончательно установило, что река Омо, называемая ниже Шорум, Уар и Няням, есть одна и та же река и впадает в озеро Рудольф". Это было одним из выдающихся географических открытий в Африке. Этот пятимесячный поход к озеру Рудольфа А. К. Булатович подробно описал в своей книге "С войсками Менелика II".

Свидетельством признания его заслуг перед Эфиопией была высшая военная награда — золотой щит и сабля, подаренные ему расом Уальде Георгисом с одобрения Менелика II. Никто из иностранцев ни до, ни после Булатовича не был удостоен такой высокой чести.

АФРИКАНСКАЯ МУЗА НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Известный русский поэт и исследователь Африки Николай Степанович Гумилёв родился в Кронштадте 3 (15) апреля 1886 года. Влечение Гумилёва к морским странствиям и далёким путешествиям зародилось именно в Кронштадте. Эта страсть прошла у него через всю жизнь.

Осенью 1910 года на деньги, полученные за сборник стихов, а также на средства родителей Н. С. Гумилёв совершает своё первое путешествие по Африке. Он с детства восхищался эфиопскими экспедициями А. К. Булатовича и был первым, кто смог повторить эфиопский маршрут Булатовича: Джибути—Дыре-Дауа—Харэр—Аддис-Абеба.

Н. С. Гумилёв отправляется в Абиссинию (старое название Эфиопии) в составе экспедиции, организованной академиком В. Радловым. У него появился исследовательский интерес, он собирает и изучает эфиопский фольклор, послушавший затем основой для цикла "Абиссинских песен" и поэмы "Мик". Гумилёв увлекается сбором всяких экзотических явлений, становится этнографом. В свой путевой блокнот он набрасывает заинтересовавшие его картинки быта и природы. У Гумилёва постепенно меняется его романтический взгляд на африканскую экзотику. В "Абиссинских песнях", ставших составной частью "Чужого неба", он описывает нищету, тяжёлую и беспросветную жизнь африканских туземцев. В песне "Невольничья" оправдывается бунт чёрных невольников XIX века против европейцев, пришедших на их цветущую землю. Стихи, написанные об Африке, поэт издал в книге "Шатёр". Они пронизаны любовью к экзотическому континенту.

По завершении этой экспедиции Гумилёв был представлен эфиопскому императору Менелику II и участвовал в парадном обеде для 3000 человек. Вернулся он в Россию весной 1911 года, заболев африканской лихорадкой.

В 1913 году Гумилёв во второй раз едет в Эфиопию. Первоначально он хотел посетить Данакильскую пустыню, изучить малоизвестные, живущие в том районе племена и попытаться направить их на путь цивилизации. Но этот вариант Российская Академия наук отклонила и предложила другой, не менее

интересный маршрут маршрута на восток и юго-восток Эфиопии для изучения и собирания предметов быта неисследованных племён и народов галла, сомали, афар и других.

Н. С. Гумилёв вновь частично повторяет свой маршрут: Джибути–Дыре-Дауа–Харэр–Шейх-Гуссейн–Гинир. Вместе с Гумилёвым в качестве фотографа в эту экспедицию поехал его племянник Николай Леонидович Сверчков. Во время короткой остановки в Константинополе Гумилёв познакомился с турецким консулом Мозар-беем, который также направлялся в Харэр, и присоединился к нему.

Из Джибути они должны были ехать по железной дороге до Дыре-Дауа. Этот первый участок узкоколейной железной дороги расстройством в 310 километров был построен и пущен в эксплуатацию в 1902 году. Проектирование и строительство этой железной дороги было отдано в концессию французам, с которыми в тот момент Эфиопия имела дружеские отношения. Эта дорога в дальнейшем должна была соединить побережье Красного моря с центром страны, со столицей Аддис-Абебой и глубинными районами Эфиопии. Паровозы и вагоны были также поставлены из Франции. Каждый паровоз имел своё громкое название – Слон, Буйвол, Носорог, Сильный и тому подобное. Состав состоял из пяти вагонов, которые делились на три класса. Во втором классе обычно ездили европейцы, третий класс предназначался исключительно для местных жителей. Что касается первого класса, то он был очень дорогой и в нём ездили только члены дипломатических миссий и отдельные высокопоставленные особы. Расстояние в 310 километров такой поезд проходил за десять часов. Вот как писал Гумилёв об этой поездке в своём “Африканском дневнике”: “Уже в нескольких километрах от Джибути, когда начался подъём, мы двигались с быстротой одного метра в минуту, и два негра шли впереди, посыпая песком мокрые от дождя рельсы”.

Проехав таким образом 230 километров от Джибути, поезд вообще остановился из-за повреждения пути прошедшими дождями. Ремонтники сообщили, что путь будет восстановлен не раньше, чем через восемь дней, поэтому все пассажиры решили вернуться обратно, кроме Гумилёва, Сверčkова и прикнущего к ним турецкого консула Мозар-бея. Эти трое смельчаков достали у путевых рабочих две дрезины: одну – для людей, другую – для багажа и, проехав на ней по повреждённому пути восемьдесят километров, достигли, наконец, Дыре-Дауа.

Дыре-Дауа – это небольшой город, выросший из железнодорожной станции, которая служила “транспортными воротами” находящегося неподалёку центра провинции, города Харар. Непосредственно к железной дороге примыкала основная часть города с правильной планировкой улиц и европейского вида домами. В европейской части жили французы, греки, армяне и индусы. На окраине города, разделённого пересыхающей рекой Детачу, находились жалкие глинобитные лачуги местного населения. Состав населения был очень пёстрый. В городе проживали, в основном, сомали, а также афары, галла, амхара, тиграи, арабы и другие. Многие жители владели тремя языками: родным, амхарским и арабским. Город являлся важнейшим центром торговли кофе, зерном, скотом, фруктами и чатом, представляющим собой тонизирующий слабый наркотик. В туземной части города, помимо базара, было много торговых лавок, где продавались различные товары, шёлковые, шитые золотом одежды, кривые сабли, кинжалы, всевозможные восточные украшения и тому подобное. Тут же на земле плели циновки, готовили сандалии. Повсюду разносился запах кофе, ладана и других благовоний.

Осмотрев город, Гумилёв собрал караван, а на следующее утро экспедиция отправилась в Харэр, административный центр одноимённой провинции, один из древних городов Эфиопии. Через несколько часов пути, поднявшись на гору, они увидели внизу развернувшуюся перед ними панораму города. “Уже с горы Харэр представлял собой величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он окружён стеной, и через ворота не пропускают после заката солнца. Внутри же это совсем Багдад времён Гаруна-аль-Рашида. Узкие улицы, которые то подымаются, то спускаются ступенями, тяжёлые деревянные двери, площади, полные галдящим людом в белых одеждах, суд тут же на площади – всё это полно прелести старых сказок”.

Для дальнейшего передвижения по стране Гумилёв необходимо было получить пропуск. Это можно было сделать только при участии самого губернатора Харэра раса Тафари. Для встречи с губернатором Гумилёв, по совету знающих людей, приобрёл ящик вермута и преподнёс ему в качестве подарка. Он также сфотографировал губернатора, впоследствии ставшего императором Эфиопии Хайле Селассие I, его жену и сестру.

Гумилёв остановился в греческом отеле, посетил первый в Эфиопии театр, в котором играли одни мужчины, познакомился с жизнью города, его обычаями и традициями. В Харэре он начал собирать свою этнографическую коллекцию. В “Африканском дневнике” Гумилёв подробно описывает церемонию торжественного въезда в Харэр своего знакомого – турецкого генерального консула Мозар-бея, а также историю возникновения и развития города Харэр.

После получения пропуска караван Гумилёва в сопровождении охраны из местных ашкеров тронулся в путь на юг страны. Из Харэра караван направился через малоизученные земли галла в селение Шейх-Гуссейн. По пути им пришлось переправляться через бурную после дождей реку Уаби-Шэбэлле. Переправа состояла из двух верёвок, привязанных к двум деревьям, растущим на противоположных берегах реки, и небольшой плетёной корзины, вмещающей трёх человек. Люди, находящиеся в корзине, перебирая руками верёвку, двигались вперёд. Как только корзина достигла противоположного берега, дерево, на котором были закреплены верёвки, подмытое бурным потоком, упало в воду. Вместе с ним упала в воду и корзина с пассажирами. Гумилёв и сопровождающий их эфиоп успели выпрыгнуть на землю, а Сверчков замешкался, и тут же все увидели раскрывшуюся пасть огромного крокодила, направляющегося к перевёрнутой корзине. Только выдержка и молниеносная реакция Гумилёва, успевшего схватить бревно, спасла жизнь Сверчкову.

Вскоре в отряде закончилась провизия, и Гумилёв был вынужден для пропитания заняться охотой. Когда он с большими трудностями достиг, наконец, Шейх-Гуссейна, ему был оказан дружеский приём со стороны вождя местного племени Аба-Муда. Там Гумилёву показали гробницу святого Шейх-Гуссейна, в честь которого было названо это селение. Невдалеке находилась и легендарная пещера, из неё, по преданию, не мог выбраться ни один грешник. Для проверки греховности человека служили два больших камня, являющиеся входом в пещеру, между которыми был узкий проход. Надо было раздеться догола и пролезть между камнями. Если кто-то застревал, то умирал в страшных мучениях, так как никто не смел оказать ему помощь. В этом месте валялось множество черепов и костей. Гумилёв, как ни отговаривал его Сверчков, всё-таки решил попробовать испытать себя. Он пролез в пещеру, исследовал её и благополучно вернулся обратно. Отчаянная смелость, граничащая с безрассудством, отличала его во всём.

Далее Гумилёв с караваном двинулся в местечко Гинир, где он продолжал собирать свою коллекцию, попутно изучая жизнь и быт кочевых племён. Дойдя до селения Матакуа, отряд направился на юго-запад страны. Подробности дальнейшего путешествия Гумилёва неизвестны, так как “Африканский дневник” поэта обрывается, и других источников нет.

Это путешествие продолжалось полгода, и поэт вернулся в Россию только первого сентября. По возвращении из своих экспедиций Н. С. Гумилёв привёз и передал в музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге богатейшую коллекцию, собранную им на востоке и юго-востоке Эфиопии.

ПЕРВЫЕ В ГАМБЕЛЕ

По имевшимся у нас сведениям, район Гамбелы никогда не посещался советскими гражданами, постоянно живущими или приезжающими в Эфиопию. Хотя, как известно, век географических открытий давно закончился, но кое-где всё ещё остались “белые пятна”. Нам предстояло первыми побывать в этом забытом всеми месте. Вот она, романтика неизведанных мест и дальних дорог!

С этими волнующими мыслями я собрал в дорожную сумку необходимые вещи, взял с собой лекарства и немного продуктов – на всякий случай. Заканчивался сухой сезон, и нам надо было спешить, чтобы не попасть под ливневые потоки, несущиеся с гор и смывающие всё на своём пути. Едва забрезжил

рассвет, как мы тронулись в путь. Экспедиция состояла из двух автомашин. Впереди шла наша старенькая “Нива” с большим багажником на крыше, нагруженным канистрами с бензином, а замыкал процессию чёрный, как вороново крыло, “Land Rover” с журналистами. Дорога жила своей обычной утренней жизнью. По обеим обочинам шоссе, не торопясь, шли ослы, нагруженные хвостом, сопровождаемые погонщиками с длинными палками. Аккуратно одетые дети в красных галстуках весело бежали в школу. То и дело встречались женщины и мужчины в шамах — национальной одежде из белой мягкой ткани с цветной отделкой по краям, с поклажей, идущие на рынок. Несколько эфиопов несли на своих шеях связанных за ноги живых ягнят. Женщины в больших плетёных корзинах несли кур. Изредка навстречу шли грузовые автомашины.

Вскоре мы выехали за пределы города, и по дороге стали встречаться редкие пунтики. Некоторые были обуты в простые сандалии, но большинство людей шло босиком. По обе стороны дороги виднелись небольшие заросли чертополоха, абиссинской розы и другого кустарника с отдельно стоящими зонтичными акациями. Дорога шла на юго-запад, и вскоре появились куртины из более крупных деревьев и густым подлеском.

Первым большим городом на нашем пути была Джимма — центр провинции Кэфа или Кафа, как её называют по-старому. Эфиопы очень гордятся, что их страна и непосредственно провинция Кэфа является родиной кофе, получившего своё название в честь этой провинции. Здесь на склонах гор произрастает огромное количество дикорастущих кофейных деревьев. Кроме того, есть и культурные насаждения кофе.

Согласно легенде, один эфиопский пастух наблюдал за своим стадом коз, как они поедали яркие красные ягоды с деревьев, растущих на диком пастбище на склонах гор, и был крайне удивлён, увидев, как козы, наевшись этих ягод, начали резво прыгать и скакать. Он тоже попробовал эти ягоды и, к своей радости, обнаружил их стимулирующий эффект.

Впервые кофе через странствующих торговцев и купцов попал в Йемен и другие арабские страны, а затем стал известен и популярен на Ближнем Востоке и в Европе. Ежегодно Эфиопия производит 250 тысяч тонн кофе, а экспорт его достигает 80 тысяч тонн.

Кроме провинции Кэфа, кофейные леса произрастают также в провинциях Сидамо, Уоллега, Иллубабор и Гэму-Гофа. Эфиопы считают, что название кофе сорта “Арабика” неправильное, и он должен называться кофе “Эфиопия” — по месту происхождения. Во всём мире название сорта “Арабика” закрепилось из-за того, что впервые его привезли в Европу арабские торговцы. Эфиопские учёные-историки тщательно изучили мировое распространение кофе и пришли к выводу, что после арабских стран этот напиток стал очень популярным в Индии, на Цейлоне, Яве, в Суринаме, Бразилии, Филиппинах, в Мексике, а затем вернулся обратно в Африку, в Кению и Танзанию. Кроме кофе “Арабика”, Эфиопия также производит и экспортирует кофе сорта “Хараре”.

Рекламные щиты с изображением чашек с дымящимся кофе привели нас в небольшой ресторан. Весь зал был наполнен чудесным ароматом кофе. Казалось, что всё вокруг источает этот запах. На стенах зала висели картины местного художника с изображением сборщиков кофе и пейзажей гор, сплошь покрытых кофейными деревьями. Отведая несколько видов кофе, изготовленного по разным рецептам, мы все пришли к выводу, что самым лучшим является кофе, приготовленный по-амхарски.

Утро заканчивалось, и мы продолжали свой путь. Мы планировали добраться до Гамбелы за один световой день. Вскоре асфальт незаметно перешёл в грунтовую дорогу, ведущую вверх, в горы. Постепенно дорога сузилась и превратилась в обычную ослиную тропу с довольно крупными камнями. Мотужно рычал двигатель, и автомобиль медленно двигался вверх, с трудом преодолевая подъём на извилистой тропе. Слева от нас возвышались каменные стены, покрытые густым кустарником, справа — крутой обрыв. Внизу под обрывом расстилался сплошной зелёный ковёр из буйной растительности, покрывающей всё окружающее пространство. Кое-где этот ковёр был пронзан отдельно стоящими огромными деревьями.

После долгого непрерывного подпрыгивания на камнях машины, наконец, остановились. Дальше ехать было нельзя из-за мешавших больших камней. Мы все вышли из машин и начали ворочать камни. Наконец, мокрые от жары и струящегося по лицу пота, изрядно покусанные комарами, мы сели

в машины и двинулись дальше. Работа по разбрасыванию камней продолжалась ещё много раз.

Проехав около часа, мы достигли перевала и начали медленно спускаться в долину по крутому серпантину. Постепенно многоголосье птиц полностью пропало. Вокруг всё наполнилось странной непривычной тишиной. Только солнце продолжало нещадно палить.

Через несколько километров нас внезапно окружили полчища необычных мух, которые сразу же нас атаковали. Влетев сквозь открытые окна в машину, они не кружили и не жужжали, как привычные нам мухи, а стремительно без всяких звуков набросились на нас и начали жалить руки, лицо, шею, голову, все открытые части тела. Укусы их были очень болезненными и напоминали уколы тупой иглой. Мы тут же закрыли все окна и начали их давить, прижимая руками к стеклу. Как только мы отпустили пальцы от стекла, они, как ни в чём не бывало, опять набрасывались на нас. У них был настолько крепкий хитиновый покров, что только сильнейшим усилием можно было слегка придавить их. Это была очень опасная муха цеце, которая является переносчиком неизлечимой сонной болезни. Проехав более двух часов, истекая потом и в непрерывной борьбе с мухами, мы так же внезапно почувствовали, что мух больше нет. Хотя всё тело зудело от укусов, мы, наконец, облегчённо вздохнули.

Как мы потом узнали, что этот район Гамбелы является наибольшим ареалом распространения мухи цеце. На этой довольно большой территории нет ни людей, ни домашнего скота, ни птиц, ни диких животных. Забегая вперёд, хочу отметить, что, вернувшись из этой командировки, мы сразу же обратились к врачам и внимательно изучили справочник тропических болезней. Как выяснилось, инкубационный период заболевания от укуса мухи цеце составляет приблизительно две недели, после чего начинают выявляться первые признаки заболевания. Через две недели мы все внимательно изучали друг друга. Один из нашей группы, побывавшей в Гамбеле, наиболее мнительный человек, даже написал завешание, заверил его в консульстве и отослал в Союз. Но к великому нашему счастью, ни через две недели, ни через месяц, ни позже ни у кого из нас не были обнаружены какие-либо признаки сонной болезни. Оказывается, что в так называемый брачный период муха цеце не является носителем заболеваний. Мы попали как раз в этот самый период, когда вредоносная муха занимается любовью и потому “добреет”. Это был настоящий подарок судьбы!

Для справки, хочу отметить, что в 1908 году в Уганде от сонной болезни умерло более сорока тысяч человек. А в 1983 году, в Уганде и в Танзании, территории, охватывающие несколько тысяч квадратных километров, были объявлены зонами распространения сонной болезни и установлены кордоны и шлагбаумы, запрещающие въезд на территорию обитания мухи цеце.

Но вернёмся к нашей поездке. После того как мы миновали опасную зону, мы опять вернулись в привычную атмосферу Африки. Спустившись ещё ниже в долину, мы оказались в объятиях влажных тропических джунглей. Мы ехали в сплошном зелёном коридоре. Свисавшие с огромных деревьев лианы касались машины, пахло гнилью, воздух был спёртый, влажный и душный. В лесу всё двигалось и копошилось. Стада обезьян с шумом перемещались по деревьям. В воздухе стоял непрерывный крик и щебетание многочисленных птиц. В просвете деревьев мы увидели, что колёса автомашины чуть не переехали большую змею, лежавшую поперёк дороги. Она едва отползла в сторону и скрылась в трещине огромного гнилого пня. Некоторые особенно высокие деревья были с конترفорсами, придававшими им большую устойчивость. Лианы с крупными острыми шипами и колючками обвивали более низкие деревья и создавали непроходимую чащу. Нас окружало настоящее “буйство флоры”!

Постепенно лес начал светлеть и редеть. Исчезли крупные деревья и появились заросли высокой слоновьей травы и гигантского чертополоха. Лес перешёл в саванну. В просветах травы заблестела лента реки, вдоль которой росли канделябровообразные молочаи, стройные пальмы и редкие смоковницы. Это была река Баро.

Проехав ещё немного, мы заметили группу круглых хижин с конусообразным верхом, покрытым соломой. Это были тукули — жилища местных жителей, нилотов. Первые люди, которых мы увидели здесь, были две молодые

обнажённые стройные девушки с высокой грудью, несшие на головах калибасы (сосуды из тыкв) с водой. Увидев нас, они, ничуть не смущаясь, грациозной походкой продолжали свой путь и вскоре исчезли в зарослях высокой травы. Подъехав ближе, мы обнаружили группу женщин, сидевших вокруг костра и готовивших пищу. Они толкли в деревянных ступах какие-то зёрна. Когда они увидели две наши машины, они вскопчили, бросились бежать и спрятались в тукули, стоявшие неподалёку. Походив немного вокруг и без успеха пытаясь наладить диалог с местными аборигенами, мы сфотографировали эту деревеньку и поехали дальше.

Дорога шла вдоль реки, сильно петляя, но далеко не удаляясь от неё. Справа большими клочьями виднелись поля, засеянные тефом, сорго, ячменём и другими культурами. Мощные побеги кукурузы, высотой больше двух метров, просматривались вдали на фоне леса. Несмотря на сухой сезон и жару, растения выглядели ухоженными, свежими и зелёными. Кстати, учёные считают, что, кроме кофе, Эфиопия является также родиной сорго и клещевины.

Прошло ещё полтора часа, и мы у цели. Внезапно за крутым поворотом перед нами появился небольшой посёлок. Это была Гамбела. Нас уже встречали. Каким-то образом эфиопы узнали о нашем приезде, хотя мы никому об этом не сообщали. Темнело. День, полный острых ощущений, подходил к концу. Быстро разместившись, кто где, мы пошли в домик руководителя местной администрации. Там уже на открытой веранде, продуваемой ветерком, были накрыты столы, и нас ожидал традиционный эфиопский ужин: тыбсы с уотом. Это мелко нарезанное мясо с острым соусом из красного перца и ын-джэра – тонкие пресные лепёшки из тефа. Из напитков подали кофе с настоем из каких-то трав, телу – местное мутное пиво и медовое вино – тэдж.

После сытного ужина, познакомившись, мы начали вести неспешные длинные разговоры. Глава местной администрации Гамбелы Ато Гебре Георгис рассказал о жизни вверенных ему людей, о видах на урожай и о борьбе с обезьянами, которые постоянно делают набеги на поля и уничтожают значительную часть урожая, об охоте, рыбной ловле, о быстро расширяющейся приграничной торговле с Суданом и о ряде других важных для него проблем. Следует заметить, что по существующей эфиопской традиции, ко всем эфиопам-мужчинам необходимо обращаться с приставкой “Ато”. Обращение без этой приставки считается крайней невоспитанностью. Исключением из этого правила являются эфиопы, имеющие воинские звания или учёную степень.

Тяжёлая дорога и новые впечатления постепенно сморили нас, и мы, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, ушли спать. Мне достался так называемый *single room* – одноместный тукуль с мебелью, состоящей из кровати с сеткой, похожей на крупноячеистую рыбацкую сеть. Имея опыт ночёвки в таких местах, я прихватил с собой фонарик. Заснул я сразу, но ночью проснулся от сильного шуршания на соломенной крыше моего тукуля, словно кто-то ходил по ней. Это продолжалось до самого рассвета, а затем всё стихло. Я вспомнил рассказ Артура Конан Дойла “Пёстрая лента” и боялся, что сверху спустится змея и укусит меня или же задушит меня в своих объятьях какой-нибудь местный питон. А утром на крыше своей гостиницы я обнаружил огромного, около метра в длину, варана. Ночью он охотился на мошек и комаров, спящих в соломе. Наш эфиоп, говорящий по-русски, позже рассказал мне, что по эфиопским поверьям, варан, поселившийся на крыше тукуля, приносит счастье, так же как у нас аисты, поселившиеся на крыше дома.

После завтрака, выпив ароматный кофе, мы на машинах совместно с эфиопами отправились осматривать местность. Кругом виднелись засеянные и ухоженные поля. Кое-где уже был собран урожай, и появились новые всходы. По пути нам встретилось большое стадо зебовидных (с горбом) и полукруглыми рогами коров, а также огромное стадо коз. Белый козёл с большими рогами стоял на задних ногах и обгладывал кору какого-то растения. То и дело шныряли обезьяны, некоторые были с детёнышами, которые крепко держались руками за шею родителей.

Часа через четыре мы вернулись обратно, довольные, но сильно проголодавшиеся. Нас уже ждал торжественный праздничный обед. Стол был завален разнообразными фруктами. Здесь лежали связки маленьких, но очень сладких королевских бананов, большие красно-зелёные плоды манго, зеленовато-жёлтые и тёмно-красные папайи, янтарного цвета грейпфруты, вытянутый, словно дыня, полосатый арбуз, чудесный “плод страсти” – пейшн лежал

в плетённых тарелках. Множество разноцветных и разнообразных ягод находилось в круглых корзинках с низкими краями. Кроме этого, у каждого стоял стакан с прохладным, белого цвета кокосовым соком, похожим на молоко. Недалеко от стола сидел человек с чёрной кожей, отдающей синевой, с большим ножом — мачете. Он брал орехи из небольшой горки кокосов, лежавших тут же на полу, ловко одним ударом разбивал их и наполнял соком стоявшую рядом ёмкость. Это было красивое зрелище!

Сначала нам подали целиком запеченную в банановых листьях рыбу теляпию, обильно политую лимонным соком. Следующим блюдом была отварная козлятина с гарниром из батата — сладкого картофеля. Затем последовал молодой жареный ягнёнок, залитый соусом из арахиса, барбариса, острого перца с добавлением каких-то очень пахучих трав. И, наконец, гвоздь программы — кусочки змеи, жаренной на углях! Это экзотическое блюдо по вкусу напоминало копчёного угря. У эфиопов мясо змеи считается особым лакомством. Всё это мясное разнообразие запивалось мутным, но довольно приятным пивом. К пиву, в качестве закуски, подали тарелочки с жареной, хрустящей на зубах саранчой. Если не быть мнительным, то это нормальная закуска. Кроме этого, на стол выставили тэдж — сладкое лёгкое вино из мёда. Пчелиных ульев там нет, а мёд собирают в дуплах деревьев. В Гамбеле широко развито бортничество, то есть сбор дикого мёда.

После такого изысканного угощения радушные хозяева устроили нам концерт в исполнении местных жителей с танцами, плясками и своеобразным пением. Нас посадили на скамейки на краю большой поляны, в середине которой горел костёр. Было ещё светло, но солнце быстро уходило за горизонт. Появились длинные тени от деревьев, росших вокруг поляны. Комаров, мучивших нас в течение дня, не было, так как легкий ветер с реки обдувал поляну.

Неожиданно загрохотали тамтамы, и под их барабанный бой на поляну, как на сцену, выбежали первые танцоры. Ануакские мужчины из Гамбелы были одеты в разноцветные шорты из кожи обезьян, с традиционными браслетами из слоновой кости на руках и ногах, птичьими перьями на голове и белой раскраской лица. Тело и лоб двоих из них были покрыты глубокими симметричными шрамами. В правой руке они держали копьё, а в левой — щиты из бегемотовой кожи. Танец изображал сцену охоты. Сначала медленно, озираясь по сторонам, танцоры невероятно пластично двигались вокруг костра, иногда замирая и как бы к чему-то прислушиваясь. Вскоре они якобы обнаружили зверя, и началась погоня с приседаниями и прыжками вверх и в сторону. Следующим выскочил на поляну танцор в шкуре антилопы с маленькими рожками на голове и начал танцевать вокруг костра, как бы не замечая охотников, а когда вдруг заметил, то начал высоко прыгать через горящий костёр, будто убегая от них. Внезапно охотники “увидели” “зверя” и началась “погоня”. Тамтамы всё время держали ритм, то замедляясь, затихая, то резко ускоряясь. Наконец, охотники догоняют “антилопу” и “убивают” её копьём. Раздаются восторженные гортанные крики победителей. Они радостно пляшут и поют вокруг поверженной жертвы. Затем четверо охотников поднимают “антилопу” с земли и, приплясывая, выносят её с поляны.

Далее на поляну медленно выходит группа танцоров-женщин. На них только узкие набедренные повязки. На шеях — ожерелье из хвоста жирафа и многочисленные разноцветные бусы с выразительными кожаными вставками. Женщины очень грациозно и ритмично изображают разные сценки из деревенской жизни: хождение за водой, сбор урожая и так далее. Танцы разнообразные, и поэтому всё время меняется ритм и громкость барабанов. Языком танца женщины доходчиво и реалистично изображают свою повседневную жизнь.

Затем исполняются совместные танцы мужчин и женщин. Здесь обратили на себя внимание женщины, украшенные симметричными насечками и надрезами кожи от груди до живота. Кроме того, у них были серьги в ушах и браслеты с металлическими кольцами на ногах. Головы танцовщиц были украшены белыми прядями волос из редко встречающихся белых обезьян колобас. Они все вместе изображали сценки знакомств, свиданий, свадеб и прочее.

Последними выступали дети. Наряженные и раскрашенные, они так уморительно танцевали, пытаясь подражать взрослым, что все зрители, включая нас, не могли удержаться от смеха.

Импровизированный концерт закончился, костёр погас, затихли тамтамы. Тёмный лес наполнился ночными звуками. Отовсюду слышались вскрики,

стрекотанье, звоны и свисты. Непрерывно трещали цикады. Среди мерцающих светлячков и myriad насекомых носились гигантские ночные бабочки, попискивали и шуршали крыльями летучие мыши. Яркая луна медленно выползала из-за реки. Потянуло прохладой. Тропическая ночь вступила в свои права...

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ ДРЕВНЕЙ СТРАНЕ

В 1978 году во время визита в СССР руководителя Эфиопии Менгисту Хайле Мариама был подписан договор о дружбе и сотрудничестве СССР и Эфиопии, достигнута договорённость о расширении контактов и связей, о создании межправительственной советско-эфиопской комиссии по вопросам экономического, научно-технического сотрудничества и торговли. Советский Союз предоставил Эфиопии долгосрочный кредит на льготных условиях. В рамках этого кредита предусматривалось значительное расширение помощи Эфиопии в развитии нефтеперерабатывающей промышленности, проведении геологоразведочных работ, содействии в области сельского хозяйства, ирригации и энергетики, строительстве и реконструкции предприятий мясной и молочной промышленности, а также в области образования, науки и медицины. При экономическом и техническом содействии Советского Союза было принято решение о строительстве в Эфиопии 43 объектов, в том числе таких крупных, как тракторосборочный завод в районе Аддис-Абебы, цементный завод в городе Дыре-Дауа, гидроэлектростанция с плотиной на реке Уаби-Шэбэлле близ населённого пункта Мэлька-Вакане в провинции Бале и ряд других важных предприятий для развития экономики страны.

Для выполнения этих задач в Эфиопию были командированы сотни советских специалистов, инженеров, врачей, учителей, геологов, работников сельского хозяйства, военных советников и прочих. По линии месткома, где я был заместителем председателя всей советской колонии, насчитывалось свыше 900 советских специалистов, не считая военных.

После распада Советского Союза всё сотрудничество в строительстве, эксплуатации и финансировании объектов за рубежом и, в первую очередь, в развивающихся странах, в том числе в Эфиопии, было прекращено. Огромные кредиты, предоставленные десяткам стран, остались без погашения, объекты сотрудничества были заброшены, контракты аннулированы. Это нанесло непоправимый ущерб не только этим странам, но и, в первую очередь, нашей стране.

На этом я завершаю свои очерки-воспоминания об Эфиопии, которой я отдал частицу своего сердца. Если мне удалось передать своё отношение к Эфиопии и пробудить любовь и интерес к ней, то я смогу считать, что не зря трудился над этими строками.